

РЕЦЕНЗИИ

Е.П. ЗЫКОВА. ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЫТ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРАВЫ В АНГЛИИ В XVIII ВЕКЕ: ИСКУССТВО ЖИЗНИ В ЗЕРКАЛЕ ПИСЕМ, ДНЕВНИКОВ, МЕМУАРОВ. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 231 с.

Книга Е.П. Зыковой посвящена истокам весьма интересного феномена, которому будет суждено устойчивое присутствие в европейской культуре. Речь идет о специфической писательской стратегии, известной под названием житнетворчества, прежде всего на примере более поздних периодов, – таких, как романтизм или символизм. Между тем, показывает Е.П. Зыкова, озабоченность литераторов собственным образом не случайно оформляется именно в Англии на рубеже Нового времени, в конце XVIII в. Это явление напрямую связано со священническим статусом мирян в протестантизме и с английской буржуазной революцией, поставившими личность на своего рода пьедестал. “Освящение писателя” (по выражению Поля Бенишу), характерное в XVIII в. для европейской культуры, кардинальным образом повлияло на самосознание новых “учителей жизни”. Теперь писатели, властители умов, должны были сами воплощать те ценности, в которых они убеждали читателя. Автор книги подчеркивает тот факт, что “если в эпоху христианского Средневековья жизнь представлялась служением, то в эпоху перехода к Новому времени она стала пониматься как творчество” (с. 8). Писатели в Англии активно издают не только свои художественные произведения, но и автобиографические тексты, письма, дневники в письмах, мемуары, сознательно творя свою биографию и свой образ.

В книге уделяется внимание как новым, смеющимся друг друга культурным моделям, религиозно-нравственному климату, политической ситуации в Англии, так и литературному контексту, эго-документам, особенностям литературного и жизненного творчества писателей, свидетельствам современников.

Первая глава посвящена развитию в Англии искусства общезнания, беседы, того искусства жить, которое выдвинула на первый план французская аристократическая культура; формированию литературных и ученых сообществ, местом действия которых стали кофейня, клуб и салон, а также роли женщин, писательниц и хозяек салонов, прозванных “синими чулками” и ставших, в силу их бдительного устремления к истине и

простоте, арбитрами житнетворческих установок английских писателей. Е.П. Зыкова предлагает тонкий анализ взаимодействия оптимистических общежитных идеалов и пессимистической философии Гоббса с его констатацией “войны всех против всех”, взаимодействия, обусловившего во многом особенности проповедуемых английскими писателями норм поведения.

В последующих главах рассмотрены репрезентативные фигуры эпохи: Джозеф Аддисон, Александр Поуп, Сэмюэль Ричардсон, Сэмюэль Джонсон, Лоренс Стерн и лорд Честерфилд. Автор ставит целью проследить эволюцию “представлений, моральных требований и идей в сознании английских литераторов” (с. 10). Религиозный фон неизменно учитывается в книге. Так, Аддисон, ставший “образцом неразрывности слова и дела”, “восстановил преемственность по отношению к англиканской традиции и одновременно утвердил рационализм как основу светской “августинской” культуры” (с. 54). Отвергший католицизм и протестантизм, он в результате свел христианство к своду моральных правил, а в своем восприятии мира как театра продолжал традиции Лабрюйера и разделял восходящее к французской аристократической культуре требование театрализации своего поведения. Его жизненная роль соответствовала названию его знаменитого журнала “Зритель”. И в то же время, будучи зрителем, свысока судившим своих современников, он умело играл и роль совершенного человека, добиваясь аплодисментов, в том числе на смертном одре. Хорошо играть свою роль считал необходимым и поэт Александр Поуп. Занимая в английском обществе маргинальную позицию (как католик), он подчеркивал свою независимость и выстраивал свою биографию “образцового поэта” (с. 95). Эпистолярный жанр был для него вполне литературным, он первым стал публиковать свои письма, внося в них изменения в соответствии с заданным образом поэта. При этом он заявлял о своем неприятии земной славы и желании быть не только поэтом, но и христианином. Эта последняя роль, как замечает автор, была для Поупа “самой трудной в исполнении” (с. 104), и его образ оказался

противоречивым, менявшимся в зависимости от окружения поэта.

Строгий пуританин Ричардсон, автор поучительных сентиментальных романов, апологет искренних душевных излияний, не мог не моделировать собственную личность как полностью соответствующую тому, что он пишет. Подобно своим героям, он следует в письмах традиции пуританского, точнее, пиетистского дневника, сосредоточенного на анализе поступков, мыслей и чувств и имеющего целью нравственное самосовершенствование. «Ричардсон вполне сознательно строит образ писателя-моралиста, проповедника христианских идей, чья жизнь основана на тех же моральных установках, что и романы, чье слово не расходится с делом» (с. 126). Он с увлечением обсуждал со своими корреспондентами характеры и поступки персонажей, словно они существовали в действительности. В сущности, его стратегия превращения вымышленных лиц в образцы для поведения реальных людей лежит в основе нового эмоционального чтения, которое стало служить для выработки моделей поведения и претворения реальной жизни в текст.

Единство жизненных и творческих установок отличает такую сложную фигуру, как Джонсон, который стремился жить по христианским заповедям и оставался верен им в своих сочинениях. В то же время, как свидетельствуют современники, в том, что не касалось религии, он зачастую, из любви к игре, отстаивал мнения, противоречившие его убеждениям. Несмотря на это, он остался в памяти современников и потомков как целостная фигура.

Стерн и Честерфилд, как отмечает Е.П. Зыкова, избирают иную модель бытового поведения и «литературных нравов»: они отказываются от

идеи нравственного совершенствования. Стерн создает собственный образ, сотканный из переживов противоречивых чувств и настроений, из парадоксов, характерных для его литературных персонажей, Тристрама Шенди и Йорика. Честерфилд в своих письмах к сыну заботится не о его добродетелях, но о его хороших манерах, без которых невозможно преуспеть в свете. Автор книги подчеркивает связи Честерфилда с французской аристократической культурой, но в то же время настаивает на его прагматизме и предвосхищении буржуазных идеалов, несколько упуская из виду, что английский лорд культивирует аристократический галантный идеал, не только эстетический, но и этический, в основе которого лежит понятие «douceur» («мягкость», «кротость»). Это понятие, которое Честерфилд не перестает выдвигать на первый план в своих письмах, непосредственно отсылает к Евангелию и образу Христа, который «кроток и смирен сердцем». Благовоспитанность, желание сделать счастливым собеседника, отказ от себялюбия оказываются таким образом формой любви к ближнему.

Написанная ясным и точным языком, книга Е.П. Зыковой четко выстроена и отличается внутренней логикой, единством основной идеи, демонстрируемой на примере разных писателей, объединенных общим стремлением творить как свою, так и чужую жизнь. Её исследование представляет безусловный интерес, так как позволяет увидеть начальный период формирования писательской мифологии и протянуть нити не только к романтикам байроновского типа, но и ко многим поэтам XIX века – вплоть до русских писателей-символистов, последовательно сливавших воедино жизнь и творчество.

Е.П. Гречаная